

Негативно-приставочная лексика народных говоров в аспекте морфемной синтагматики

Н. В. Большакова, Т. В. Лысенкова

Negative-prefix lexicon of vernacular dialects in relation to morpheme syntagmatics

N. V. Bolshakova, T. V. Lysenkova

Большакова Наталья Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, зав. научно-образовательной лабораторией «Социогуманитарная регионика», Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация

E-mail: bolshakova55@yandex.ru

Лысенкова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры образовательных технологий, Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация

E-mail: ziraf2024@mail.ru

Статья поступила: 19.09.2025. Принята к печати: 24.10.2025.

Статья посвящена вопросам морфемной синтагматики – области, гораздо менее разработанной по сравнению с парадигматическими проблемами. Исследование проведено на диалектном материале. Под негативно-приставочной лексикой в работе понимается совокупность производных лексем, содержащих в своей структуре приставки *не-* и *без-*. В силу своей специфики отрицательные префиксы в народных говорах характеризуют морфемный состав целого блока системно связанных лексем. Целью работы является установление особенностей сочетаемости отрицательных приставок в составе диалектного слова при проявлении лексемой оценочного значения. Основными источниками материала служат областные словари, фиксирующие лексику соседних говоров: «Псковский областной словарь с историческими данными» и «Новгородский областной словарь». В качестве сравнительного, фонового, материала привлекаются данные других диалектных словарей Русского Севера, а также данных сводного «Словаря русских народных говоров». В результате сплошного обследования указанных словарей были выделены группы однокоренных негативно-приставочных лексем, в структуре которых сами корни выражают оценочную семантику. Анализ показал, что с корнями, выражающими положительную оценку, сочетается преимущественно приставка *не-*, и, напротив, с корнями, содержащими негативную оценку, предпочтительна сочетаемость у приставки *без-*. Вместе с тем установлено, что выявленные особенности синтагматики негативных префиксов имеют ограничения: они проявляются преимущественно в адъективной лексике или в отадъективных дериватах. В результате анализа установлено, что выявленные особенности сочетаемости действуют скорее как вероятность, а не как строгая закономерность. На большом сопоставительном материале продемонстрированы как факты проявления типовой

Natalia V. Bolshakova – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Head of the laboratory “Socio-humanitarian regionics”, Pskov State University, Pskov, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2038-9565

Tatiana V. Lysenkova – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor of the Department of Educational Technologies, Pskov State University, Pskov, Russian Federation

ORCID: 0009-0005-7524-3829

Received: 19.09.2025. Accepted for publication: 24.10.2025.

This article is devoted to morphemic syntagmatics, an area considerably less explored than paradigmatic problems. The study is conducted using dialectal material. Negative-prefix lexicon in this paper refers to a set of derivative lexemes containing the prefixes *ne-* and *bez-* in their structure. Due to their specific nature, negative prefixes in vernacular dialects characterize the morphemic composition of an entire block of systemically related lexemes. The aim of this paper is to establish the specific combinability of negative prefixes within a dialectal word when the lexeme expresses an evaluative meaning. The primary sources of material are regional dictionaries recording the vocabulary of neighboring dialects: *Pskov Regional Dictionary* and *Novgorod Regional Dictionary*. Data from other dialect dictionaries of the Russian North, as well as from the consolidated *Dictionary of Russian Folk Dialects*, are used as comparative background material. A comprehensive examination of these dictionaries revealed groups of cognate negative-prefix lexemes, the structure of which expresses evaluative semantics. Analysis revealed that roots expressing positive evaluations are predominantly combined with the prefix *ne-*, while, conversely, roots containing negative evaluations are preferentially combined with the prefix *bez-*. However, it was established that the identified syntagmatic features of negative prefixes have limitations: they manifest themselves primarily in adjectival vocabulary or in words derived from adjectives. As a result of the analysis, it was found that the identified features of compatibility act more as a probability, rather than as a strict pattern. A large amount of comparative material demonstrates both the facts of the typical valence model and cases of deviation from it. The comparative analysis method applied in the study, focusing on morphemic syntagmatics, revealed the involvement of negative prefix vocabulary primarily in the names of traits characterizing a person by their physical

валентностной модели, так и случаи отступления от нее. Примененная в работе методика сопоставительного анализа в аспекте морфемной синтагматики выявила вовлеченность в сферу негативно-приставочной лексики преимущественно наименований признаков, характеризующих человека по внешней привлекательности, по признаку силы и здоровья, по признаку ловкости, умелости в работе. В целом проведенное исследование показало плодотворность изучения негативно-приставочной диалектной лексики для воссоздания фрагментов языковой картины мира.

Ключевые слова: морфемная синтагматика, негативно-приставочная лексика, Новгородский областной словарь, Псковский областной словарь

УДК 81'373:81'282(470.24+470.25)

attractiveness, strength and health, dexterity, and skill at work. Overall, the study demonstrated the fruitfulness of studying negative prefix vocabulary in dialects for reconstructing fragments of the linguistic worldview.

Keywords: morphemic syntagmatics, negative prefixed vocabulary, Novgorod Regional Dictionary, Pskov Regional Dictionary

OECD: 6.020Y

Постановка проблемы. Исследование диалектной словообразовательной системы в различных аспектах позволило выявить не только общие лингвистические закономерности в языковой среде с некодифицированной нормой, но показать широкие возможности познания мира человека через анализ производных номинаций: «Словообразование <...> дает возможность понять, какие ценности

удерживает сознание. Оно эксплицирует свойства и качества денотатов, их связи и отношения, функциональную нагрузку, а главное – их значимость для носителей языка» [Вендина, 1998, с. 10]. Как показало комплексное исследование лексики с отрицательными приставками, она номинирует и одновременно характеризует значительный по объему и тематическому охвату состав объектов окружающей действительности, тем самым представляя важный фрагмент языковой картины мира человека [Степанова, 2008]. Когнитивной и лингвокультурологической значимостью негативно-приставочной лексики обусловлена актуальность темы исследования. Под негативно-приставочной лексикой в работе понимается совокупность производных лексем, содержащих в своей структуре приставки *не-* и *без-*. Уже в составе средневековой лексики русского языка прототипы данных префиксов проявляли продуктивность и признак свободной дистрибуции [Матвеев, 2009]¹. В современных русских народных говорах отрицательные префиксы характеризуют морфемный состав целого блока системно связанных лексем.

История вопроса. В основе настоящего исследования лежат работы, показывающие специфику аффиксально-корневого взаимодействия в структуре русского слова, посвященные вопросам морфемной синтагматики. Поскольку префиксальный способ словообразования свойствен преимущественно глаголам, то большинство исследований проводится на материале глагольной лексики либо литературного языка [Кронгауз, 1998; Щеболева, 1980], либо народных говоров [Шаброва, 2003]. Анализу именной лексики

¹ На материале одного из ранних переводов с греческого автор выявляет ряд «полнозначных приставок» с семантикой негации, в числе которых элемент *зло-* (*злообразие* / *безобразия* – приведено нами в современной графике) [Матвеев, 2009, с. 167–169], в связи с чем интересно отметить диалектное слово *беззловредной* ‘безвредный’ (*Мурашы из насекомых ползают, они беззловредный*) [АОС, 1980, с. 149]. В современных говорах элемент *зло-* в составе слова близок по значению второму корню *вред-*, что создает эффект усиления, смысловой редупликации, функция отрицательной приставки *без-* перевести значение композита в положительный регистр.

в аспекте морфемной синтагматики посвящена работа, раскрывающая продуктивность модели отадъективных существительных с суффиксом *-ость*, причем автор отмечает «активность производства имен на *-ость* от основ прилагательных, в структуру которых входят префиксы *без-* и *не-*» в современных, динамически развивающихся, процессах неологии [Сенько, 2017, с. 140].

Диалектная морфемика на материале именных архаических приставок *па-*, *пра-* и *су-* была исследована в диссертации А. Е. Александровой, где были затронуты в том числе и вопросы парадигматических связей префиксов с детализацией внутри семантики негации (ср. *паклен* – *неклен* и под.) [Александрова, 2003]. В одной из последних монографических работ субстантивная производная лексика в смоленских говорах изучена путем описания схем морфемной сочетаемости [Лунькова, 2024]. В данной диссертации представлен внушительный по объему реестр структурных моделей диалектных имен существительных, однако негативно-приставочная лексика занимает среди них незначительное место. Так, приставка *без-/бес-*, характеризующая структуру слов *бездонник*, *бездонье*, *безрукавка*, *безрукавник*, *безрукавница*, *бесполичница*, *беспятки*, *бестарка*, деривационно входит в состав конфикса. Префикс *не-* представлен единственным примером *неудобье* ← *удобье*, где он выполняет и деривационную роль; другие дериваты уже содержат отрицание в производящей базе исходного прилагательного (*неудоба*) либо глагола (*незасевок*) [Там же, с. 184, 221 (приложения)]. Выявленный материал, к сожалению, не позволяет установить системные связи в составе негативно-приставочной лексики в данном источнике.

Методология и методика исследования. В настоящем исследовании предпринята попытка рассмотрения диалектного материала сквозь призму синтагматики: закономерностей сочетаемости структурных элементов производного слова, вариативности на префиксально-корневой границе. Вопросы, связанные с морфемным швом (степень четкости границы, наличие морфонологических явлений, специфика функции аффикса) в той или иной степени рассматривались на диалектном материале, в том числе и в работах одного из авторов статьи [Азарх, 2000; Александрова, 2003; Лысенкова, 2017]. В работе используется сопоставительный метод для выявления закономерностей в валентностных свойствах негативных приставок *без-* и *не-* при их сочетании с корнями однородной семантики.

Анализ материала. Целью работы является установление особенностей сочетаемости отрицательных приставок в составе диалектного слова при проявлении лексемой оценочного значения. Основными источниками материала служат областные словари, фиксирующие лексику соседних говоров: «Псковский областной словарь с историческими данными», «Новгородский областной словарь». В качестве сравнительного, фонового, материала привлекаются данные других диалектных словарей Русского Севера, а также данные сводного «Словаря русских народных говоров».

Корень как недеривационная морфема именного или глагольного типа в семантическом отношении может быть выразителем конкретного либо абстрактного понятия; быть нейтральным в оценочном отношении либо коннотативно отмеченным – нести в себе положительную или отрицательную оценку.

Отрицательные приставки, сочетаясь с обоими типами корней по частеречной соотнесенности, тем не менее, дифференцируются по признаку предпочтения. Так, для

приставки *без-* более характерна сочетаемость с именными корнями (*безбедина, безбожник, безветерье, бездождие* и др.), в том числе в составе глаголов (*безволить*). Эту особенность приставки *без-* ярко демонстрируют работы О. Д. Суриковой, в которых представлен развернутый семантико-мотивационный анализ русских диалектных и общенародных слов с приставкой *без-*, образованных от обозначений соматических объектов [Сурикова, 2012], и исследовано функционирование модели «*без-* + соматизм» в антропонимах русского и украинского языков [Сурикова, 2013]. Таким образом, как видим, автор проводит исследование негативно-приставочной лексики в парадигматическом и синтагматическом аспектах. Приходя к выводу о маркировании в языке различных физиологических отклонений от нормы, автор справедливо подчеркивает, что это «соответствует свойствам языка как ценностной системы: избегание номинаций нейтральной позиции и детализированное освоение степеней и разновидностей проявления признака (высокой, максимальной, аномальной) или его отсутствия (полного или частичного)» [Сурикова, 2012, с. 54]. Наш опыт исследования негативно-приставочной лексики, относящейся к характеристике человека, также свидетельствует о преобладании номинаций «не-нормы», норма же в понимании человека либо положительно оцениваемые признаки выражаются имплицитно, отражая «как бы и без того известный императив».

В результате сплошного обследования основных словарей территориально близких говоров были выделены группы однокоренных негативно-приставочных лексем, в структуре которых сами корни выражают оценочную семантику.

Так, выяснилось, что с корнями, выражающими положительную оценку, сочетается преимущественно приставка *не-*, и, напротив, с корнями, содержащими негативную оценку, предпочтительна сочетаемость у приставки *без-*.

Приведем примеры, подтверждающие эту закономерность, из «Псковского областного словаря»: *безбѣдность* (*В безбѣдности весь век пражыла за сваим мужиком*); *безбѣдный* (без. цит.); *безболѣзный* (*Сотвори им, господи, андельская безболезная печаль, умножь безконечное жилье*); *безобѣдно* (*Зямля дялільсь пѣ ядакам, штобы бизабиднѣ былѣ*); *безопѣсный* (*Дашшянка – еть лотка самая безапасная, ана из дасок зделана*), см. также: *безопѣска* (*В меня есь бритва, да плахая, а бизапаскай срежысся*), *безопѣсно* (*Ни страшна в лес итти, ни заблудится, безапасна, говорят, не бойтесѣ*), *безопѣсность* (*Там ему бизапаснѣсть, спит, а ф поле ему апаснѣсть е*) [ПОС, 1967, с. 147–156].

Аналогичная картина наблюдается в новгородских говорах: *безболѣзный* (*Так это безболезно, какой-то желвак растет*); *безгрѣшный* ‘без червей, хороший’ (*Грибы безгрѣшные*) [НОС, 2010, с. 29–32].

Данные о сочетаемости префикса *не-*² из «Псковского областного словаря»: *небѣский* ‘некрасивый, неказистый’ (Без цит.), *невдѣлый* ‘неудачливый, несчастливый’ (*Паринѣ такой он нявдалый, фсе яму ня вязет*), *негарнѣй*³ ‘некрасивый, неприглядный’ (*Дефка за няго пашла, нягарная, малѣ да худѣ, да костяста*),

² Лексические материалы данного типа в обоих словарях, и особенно в ПОС (в силу того, что это словарь полного типа), представлены довольно большим списком, приведем лишь лексемы, имеющие преимущественно собственно диалектный характер. Цитирование словарей осуществлено с сокращениями: извлечена только актуальная для статьи информация.

³ См. *гѣрный* ‘хороший, красивый’ (*Какой гѣрный платочик*) [ПОС, 1984, с. 142].

негóдливый ‘плохой, негодный’ (Негодливый сын), недóбрик ‘нечистый дух, черт’ (Приходить к нам недобрик, недобрик етъ па-нашъму чорт), недúжий ‘нездоровый, больной’ (А мой мужык толькь за месиц да смерти недужый был, а так никагда ни жалъвълся), недюжий ‘слабый, хилый, немощный’ (Я-та нядяглая тяперь, нядюжая, сил сафсем нет), нечéредный / нечередный, ‘неаккуратный, неряшливый’ (Есь багатая, а нячеридная, комнаты ня уборныи; Какая нечэренная, скажут, какая грязыиша) [ПОС, 2009, с. 13–299].

Данные о сочетаемости префикса не- из «Новгородского областного словаря»: недюжой (Недюжая я стала, старая), некрасовúтый ‘непривлекательный на вид, некрасивый’ (Всякие показались: и некрасовитые, и курносые; Мужик-то у ей некрасовитый, но добрый хозяин), неладовóй ‘неладный, нехороший, некрасивый’ (Дерево, споначалу неладовое, корявое, всяким вавилонам растет, и есть комлюшинное), нелáжий ‘непокладистый, неуживчивый’ (Без цит.), неловкóй ‘некрасивый на вид’ (Был у нас Сашка Антипов, такой неловкой, лобастый, нескладиша), нелýбый ‘такой, который не нравится, не ценится’ (Слепушки таки дак, ни одной мякушки, нелюбые ягоды), ‘такой, которого не любят; нелюбимый’ (Нелюбый мужик, дак зачем шла; Нелюбая была бабушка), непровóрый ‘неискусный, неумелый’ (Мужик у ней непроворый: дела не видит; Я пришла, ткется близнам: таки бабы непроворые были), нерадúвый ‘трудный, плохой’ (Нерадивая жизнь-то раньше была) [НОС, 2010, с. 629–646]. Ср. также в вологодских говорах в значении ‘некрасивый на вид’: неказúмый (Неказимой Ваня-то был, но добрый, услужливый, погиб тожо; Старые люди все неказимые, сгорбатились), некрасовúтый (Максим-то в свою родню некрасовитый такой; Манька-то уж больно некрасовитая) [СВГ, 1990, с. 94–95].

Как показывает материал, наблюдаемые особенности синтагматики негативных префиксов все же имеют ограничения: они проявляются в адъективной лексике или в отадъективных дериватах. Более того, выявленные особенности сочетаемости действуют скорее как вероятность, а не как строгая закономерность.

Например, прилагательные с корнем грех- в псковских говорах могут реализовать обе модели: безгрéшный (иллюстрации даны выше) и негрéшный (мн.) ‘люди, живущие согласно заповедям, моральным предписаниям христианства’ (Ну вот чилавек памрет, и яво судют, куда он гош. Гош он у рай или у ат. Суд на грешных и нягрешных – так я думаю) [ПОС, 2009, с. 68]. Оба типа отмечаются при реализации отрицательной семантики с корнем опас-: безопа́сный и др. (иллюстрации даны выше) и неопáсный ‘неспособный причинить зло, неприятности’ (А на правой руке – эта Стяшова, изепка там маленькая такая, живе там бапка неопасная, добрая) [Там же, с. 181].

Речевые реализации всегда сложнее и разнообразнее, чем типовые модели, тем более в диалектной речи с характерной для нее вариантностью [Васильева, 2024]. Так, в выражение значения ‘слабый физически, бессильный’, ‘болезненный’ в разных говорах могут быть вовлечены обе негативные приставки: бессíлой (Худенькая такая, бессилая, слабосилая) [АОС, 1982, с. 16] – недюжóй (Недюжая я стала, старая) [НОС, 2010, с. 629–646], недюжий/недюжóй (Она недюжая, все хворает; Мать-то наша и смолоду недюжая была, а теперь уж и подавно захирела) [СВГ, 1990, с. 92]. Корень рях-/ряш-, в беспрефиксных образованиях реализуя положительную оценку (ср. рýха ‘чистоплотный, опрятный человек’: Наш это парень, **ряха** он, красивый, хороший парень, **ряшливый**

парень. Арх. Ср. Урал [СРНГ, 2001, с. 358]), сочетается с обеими отрицательными приставками для выражения негативного значения: общерус. и пск. *неря́ха* (*У нас е такая неряха, што и не помоецца, ходит грязная; Неряха, разви дель с неприбръным хадить*) [ПОС, 2009, с. 228] – *безря́ха* (*Сноха такая безряха; Хозяйка-то безряха попалась*) [СВГ, 1983, с. 28]; *безря́ха* (*Ну, уж какая и безряха она! Сольвыч. Волог.*) [СРНГ, 1966, с. 199].

Как показывает анализ, в систему отношений негативных приставок вовлечена как общерусская, так и собственно диалектная лексика. Очевидно, что только учет полноты функционирующего в говорах словарного ресурса позволяет выявить фактические закономерности и возможные исключения. Например, сводный «Словарь русских народных говоров» фиксирует обширный ряд слов, содержащий корень *раж-* (*ражево́й, ра́жий* и мн. др.) в бесприставочных образованиях с положительной семантикой [СРНГ, 1999, с. 251–252]. Новгородские говоры также активно используют положительно-оценочное многозначное прилагательное *ра́жий* в значениях: ‘хороший’ (*Мужик-то у меня гораз ражий был, мы все вместях делали*), ‘сильный’ (*Он у их ражий, бревно сдвинет*), ‘красивый, видный; статный’ (*Ражий – красивый парень, баской, модный*) [НОС, 2010, с. 991–992]. Здесь закономерно реализуется выявленная модель сочетаемости отрицательной приставки *не-* с положительно-оценочным корнем: *нера́жий* ‘некрасивый, невзрачный’ (*Обе дочки неражи*), ‘слабосильный, неказистый’ (*Воз-то грузной, а лошаде́нка неражая, гляди что в гору-то и не выздынет*), ‘не такой, как следует, каким должен быть’ (*Дяденька был наш неражий. Неражий – плохой человек*) [Там же, с. 641]. Другие говоры рассматриваемого региона с разной степенью представленности демонстрируют установленную закономерность (в севернорусском ареале значительно более актуальную по сравнению с северо-западным): *нера́жий/неря́жий* ‘нехороший, плохой’ (*Неражая де́йка-то она, вино пьет, курит; Банька-то у меня неражая, старая; Домишко неражий, и тот разорят; Баня-то неражая, да своя*); ‘неладный’ (*Какой уж неражий растет, а мать красивая; Неражая одежда, а нарядней нету*); ‘болезненный, слабый здоровьем’ (*Глянь, неражий такой, еле тащится*) [СВГ, 1990, с. 103]; *нера́жий* ‘лишенный положительных качеств’ (Без цит.), *нера́женький* ‘хилый, слабый здоровьем’ (Без цит.) [ПОС, 2009, с. 216].

Вопреки ожидаемому в новгородских говорах негативную семантику – ‘некрасивый’ отражает слово *сура́зный* (*Миха-то у Васи какой-то суразный, в кого такой?*) [НОС, 2010, с. 1162]. В псковских говорах, наоборот, слова *сура́жий, сура́зый, сура́зный*, согласно Словарю Даля, имеют положительную коннотацию: ‘видный, пригожий, казистый’ (*Суражая девка*) [Даль, 1980, с. 362]. Лексику с положительной семантикой в приставочных лексемах (*сура́жный, сура́жий* и др.) наряду с негативно-приставочными словами с префиксом *не-* (*нера́жий, неражо́вый* и др.) в большом объеме фиксирует «Словарь русских народных говоров» [СРНГ, 1986, с. 138; 2008, с. 272–274]. Таким образом, положительно-оценочное значение в говорах выражается как бесприставочными словами с корнем *раз-/раж-*, так и словами с приставкой *су-*. Как деривационная реакция на такое выражение положительной оценки по описанной типовой модели в псковских говорах негативное значение реализуется префиксом *не-*: *несура́зный* ‘некрасивый’ (*Гарас он нисуста́вный, нисуразный; Она така несуразная у них была; Дочки такие были у них нисуразные, никто с ними не гулял; Она с лица несуразна*); *несура́зый* ‘то же’ (*Он нясуразый*

такой был, някрасивый, нос бальшой); несурягий 'то же' (Нисурягъй, никрасивый муш у Машки-тъ Язевъй) [ПОС, 2009, с. 255]⁴.

Для выяснения источников отмеченных выше противоречивых явлений в составе рассматриваемой группы слов следует учесть все данные, в том числе время фиксации диалектного материала, однако скорее всего причины кроются в постепенном затемнении семантики корня (допустима и звуковая аттракция корней).

Результаты исследования. В силу обширности темы в статье был рассмотрен только один основной блок проблем, связанный с выяснением закономерностей сочетаемости приставок *без-* и *не-* в составе негативно-приставочных образований. Ограничения в выборе исследовательского поля связаны также с корнями оценочного характера. В качестве эмпирической базы избраны диалектные данные преимущественно соседних псковских и новгородских говоров. При естественности несовпадения в составе лексических материалов (что обусловлено в первую очередь составом словников в лексикографических источниках – дифференциальных либо полных диалектных словарях) типы основных моделей сочетаемости оказались сходными. Результаты исследования показали, что на тип сочетаемости негативных приставок оказывает влияние оценочный характер корня: для приставки *не-* характерна сочетаемость с корнями, выражающими положительную оценку, приставка *без-* проявляет преимущественно сочетаемость с корнями, содержащими негативную оценку. За рамками установленной закономерности, тем не менее, в говорах остаются языковые факты (однокоренные разноаффиксные параллели), обусловленные деривационными особенностями каждого из префиксов (*безгрешный* ← *грех*, *негрешный* ← *грешный*) либо взаимодействием моделей внутри диалектной системы (*безопасный*, *неопасный*).

Выводы. Категория негации как одна из универсальных философских и лингвистических категорий на уровне морфемной синтагматики не получила еще необходимого освещения. Особенно актуальными остаются разработки на базе диалектного материала, так как они способны выявить когнитивные особенности народного сознания и ценностные доминанты традиционной культуры.

Примененная в работе методика сопоставительного анализа в аспекте морфемной синтагматики выявила вовлеченность в сферу негативно-приставочной лексики преимущественно наименований признаков, характеризующих человека по внешней привлекательности (*неба́ский*, *нега́рнóй*, *некрасови́тый*), по признаку силы и здоровья (*безболе́зный*, *недюжо́й*), по признаку ловкости, умелости в работе (*непровóрый*). В отдельных случаях, судя по словарным дефинициям, эти свойства воспринимаются как синкретичные (*неладовóй* 'неладный, нехороший, некрасивый'). Дальнейшее исследование негативно-приставочной лексики с учетом семантической отнесенности корня (например, слов с корнями, отражающими родственные связи: ср. пск. *безбатешный*, *безотцовщина*, *бездетинный* и др. и новг. *безматошный*) представляется перспективным для воссоздания целостной языковой картины мира.

⁴ Разговорная сфера литературного русского языка, как известно, знает негативно-приставочное прилагательное *несуразный* 'нелепый, несообразный', 'нескладный' [МАС, 1982, с. 483–484]. По данным Ю. С. Сорокина, слово *несуразный*, впервые зафиксированное в «Опыте областного великорусского словаря» (СПб., 1852), получает широкое распространение «в художественной литературе и публицистике второй половины века, не только применительно к характеристике лица, его внешности или поведения (как в народных говорах), но и для выражения логической несообразности и т. д.» [Сорокин, 1965, с. 488].

Литература

Азарх, Ю. С. (2000). *Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте*. Москва: Наука.

Александрова, А. Е. (2003). *Структурно-семантические особенности лексем с малопродуктивными архаичными именными приставками па-, пра-, су- в русском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Псков, Великий Новгород: Новгородский государственный университет.

АОС (1980). *Архангельский областной словарь: в 25 т. Т. 1: А – Бережок*. Москва: Изд-во МГУ.

АОС (1982). *Архангельский областной словарь: в 25 т. Т. 2: Берёза – Бяще*. Москва: Изд-во МГУ.

Васильева, О. В. (2024). Проблема отражения вариативности слова в диалектном словаре (на материале «Псковского областного словаря с историческими данными»). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 21(1), 106–127. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.106>

Вендина, Т. И. (1998). *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)*. Москва: Индрик.

Даль, В. И. (1980). *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4*. Москва: Русский язык.

Кронгауз, М. А. (1998). *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. Москва: Языки русской культуры.

Лунькова, Е. С. (2024). *Производная лексика смоленских говоров в пространстве восточнославянского диалектного континуума: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук*. Смоленск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова.

Лысенкова, Т. В. (2017). Отражение системных связей слов в словаре негативно-приставочной лексики говоров. *Ученые записки НовГУ*, 3(11), 1–3.

МАС (1982). *Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2: К–О*. Москва: Русский язык.

Матвеев, В. А. (2009). Отрицательные приставки в переводном древнерусском памятнике. *Логический анализ языка: ассерция и негация* (с. 162–172). Москва: Индрик.

НОС (2010). *Новгородский областной словарь*. Санкт-Петербург: Наука.

ПОС (1967). *Псковский областной словарь с историческими данными: в 29 вып. Вып. 1: А – Бибишка*. Ленинград: ЛГУ.

ПОС (1984). *Псковский областной словарь с историческими данными: в 29 вып. Вып. 6: Вылабать – глушинник*. Ленинград: ЛГУ.

ПОС (2009). *Псковский областной словарь с историческими данными: в 29 вып. Вып. 20: Наквата – Наюрить*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Сенько, Е. В. (2017). Синтагматика морфем как проявление незамкнутости деривационных контактов.

References

Aleksandrova, A. E. (2003). *Structural-semantic features of lexemes with low-productive archaic nominal prefixes pa-, pra-, su- in the Russian language: dissertation for the degree of Cand. Sci. in Philology*. Pskov, Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. (In Russian).

Arkhangelsk regional dictionary: in 25 vols. Vol. 1 (1980). Moscow: Moscow State University Publ. (In Russian)

Arkhangelsk regional dictionary: in 25 vols. Vol. 2 (1982). Moscow: Moscow State University Publ. (In Russian).

Azarkh, Yu. S. (2000). *Russian nominal dialect word formation in the linguistic and geographical aspect*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Dal, V. I. (1980). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vol. Vol. 4*. Moscow: Russkiy yazyk Publ. (In Russian).

Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vols. Vol. 2 (1966). Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vols. Vol. 21 (1986). Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vols. Vol. 33 (1999). Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vols. Vol. 35 (2001). Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vols. Vol. 42 (2008). Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Dictionary of Vologda dialects (1983). *Instructional book on Russian dialectology: in 12 vols. Vol. 1*. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute Press. (In Russian).

Dictionary of Vologda dialects (1990). *Instructional book on Russian dialectology: in 12 vols. Vol. 5*. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute Press. (In Russian).

Krongauz, M. A. (1998). *Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar*. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury Publ. (In Russian).

Lunkova, E. S. (2024). *Derivative vocabulary of Smolensk dialects in the space of the East Slavic dialect continuum: dissertation for the degree of Dr. Sci. in Philology*. Arkhangelsk: M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University Publ. (In Russian).

Lysenkova, T. V. (2017). The reflection of the paradigmatic relations of words in the dictionary of negative-prefix vocabulary of dialects. *Memoirs of NovSU*, 3(11), 1–3. (In Russian).

Matveenko, V. A. (2009). Negative prefixes in a translated Old Russian monument. *Logical analysis of language: assertion and negation* (pp. 162–172). Moscow: Indrik Publ. (In Russian).

Novgorod regional dictionary (2010). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 1 (1967). Leningrad: Leningrad State University. (In Russian).

Международный научно-исследовательский журнал, 7(61)-1, 139–143. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.61.011>

СВГ (1983). *Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии: в 12 вып. Вып. 1: А–Г*. Вологда: Изд-во ВГПИ.

СВГ (1990). *Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии: в 12 вып. Вып. 5: Морда–Обрадеть*. Вологда: Изд-во ВГПИ.

Сорокин, Ю. С. (1965). *Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века*. Москва, Ленинград: Наука.

СРНГ (1966). *Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 2: Ба – Блазниться*. Москва, Санкт-Петербург: Наука.

СРНГ (1986). *Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 21: Негораздый – Обвива*. Москва, Санкт-Петербург: Наука.

СРНГ (1999). *Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 33: Протка – Разлука*. Москва, Санкт-Петербург: Наука.

СРНГ (2001). *Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 35: Реветь – Рящик*. Москва, Санкт-Петербург: Наука.

СРНГ (2008). *Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 42: Стриж – Сухловина*. Москва, Санкт-Петербург: Наука.

Степанова, Т. В. (2008). *Категория отрицания в морфемной структуре слова (на материале диалектной речи): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Псков.

Сурикова, О. Д. (2012). К изучению семантического своеобразие отсоматической лексики с приставкой без- в русской языковой традиции. *Научный диалог*, 12: Филология, 30–62.

Сурикова, О. Д. (2013). Отсоматические образования с приставкой без- в русском и украинском антропонимиконе. *Вопросы ономастики*, 1(14), 58–78.

Шаброва, Е. Н. (2003). *Морфемика диалектного глагола*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.

Щеболева, И. И. (1980). *Принципы словообразовательного синтеза*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та.

Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 6 (1984). Leningrad: Leningrad State University Publ. (In Russian).

Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 20 (2009). St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russian).

Russian Language Dictionary: in 4 vols. Vol. 2 (1982). Moscow: Russkiy yazyk Publ. (In Russian).

Senko, E. V. (2017). Syntagmatics of morphemes as the manifestation of the nonclosure of derivation contacts. *International Research Journal*, 7(61)-1, 139–143. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.61.011> (In Russian).

Shabrova, E. N. (2003). *Morphemics of the dialectal verb*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russian).

Shcheboleva, I. I. (1980). *Principles of word-formation synthesis*. Rostov-on-Don: Rostov University Publ. (In Russian).

Sorokin, Yu. S. (1965). *Development of the vocabulary of the Russian literary language. 1830–1890s*. Moscow, Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

Stepanova, T. V. (2008). *Category of negation in the morphemic structure of the word (based on dialect speech): dissertation for the degree of Cand. Sci. in Philology*. Pskov. (In Russian).

Surikova, O. D. (2012). On study of semantic peculiarities of somatic derivatives with prefix bez- in Russian linguistic tradition. *Scientific Dialogue*, 12: Philology, 30–62. (In Russian).

Surikova, O. D. (2013). Derivatives of somatisms prefixed with bez- (без-) in Russian and Ukrainian anthroponymy. *Problems of Onomastics*, 1(14), 58–78. (In Russian).

Vasilyeva, O. V. (2024). The problem of reflecting the variability of a word in a dialect dictionary (on the material of the “Pskov Regional Dictionary with Historical Data”). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 21(1), 106–127. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.106> (In Russian).

Vendina, T. I. (1998). *The Russian linguistic picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)*. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).

Для цитирования:

Большакова, Н. В., & Лысенкова, Т. В. (2025). Негативно-приставочная лексика народных говоров в аспекте морфемной синтагматики. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 3(17), 54–63. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3\(17\)-54-63](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3(17)-54-63)

For citation:

Bolshakova, N. V., & Lysenkova, T. V. (2025). Negative-prefix lexicon of vernacular dialects in relation to morpheme syntagmatics. *VERBA. North-West linguistic journal*, 3(17), 54–63. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3\(17\)-54-63](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3(17)-54-63) (In Russian).